

Надежда Тэффи

Авантюрный роман

Часть сборника
О любви (сборник)

Надежда Тэффи

Авантюрный роман

«Public Domain»

Тэффи Н.

Авантюрный роман / Н. Тэффи — «Public Domain»,

«Шофер гнал вовсю, как ему и было приказано. Тяжелая машина, жужжа, как гигантский шмель, обгоняла бесконечную вереницу автомобилей, возвращавшихся в Париж. Пассажиры – два манекена модного дома «Манель» и управляющий этого же дома мосье Брюнето – напряженно молчали. Молчала манекен Наташа (коммерческий псевдоним Маруси Дукиной), потому что злилась на неудачную поездку, на дождь в Довиле, на скуку и на манекена Вэра (коммерческий псевдоним француженки Люси Боль), которая стала разводить драму с мосье Брюнето. Нашла тоже время!..»

Содержание

1	5
2	8
3	12
4	15
5	17
6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Надежда Тэффи

Авантюрный роман

1

*«Pourquoi occuper le Tribunal
de ce chetif b... la», – cria une
voix de la Montagne...*

***La Revolution.
Louis Madelin¹***

*Кирджали был родом болгар.
А. Пушкин*

Шофер гнал вовсю, как ему и было приказано. Тяжелая машина, жужжа, как гигантский шмель, обгоняла бесконечную вереницу автомобилей, возвращавшихся в Париж.

Пассажиры – два манекена модного дома «Манель» и управляющий этого же дома мосье Брюнето – напряженно молчали.

Молчала манекен Наташа (коммерческий псевдоним Маруси Дукиной), потому что злилась на неудачную поездку, на дождь в Довиле, на скуку и на манекена Вэра (коммерческий псевдоним француженки Люси Боль), которая стала разводить драму с мосье Брюнето. Нашла тоже время!

Вэра поджимала губы и отворачивалась от Брюнето, который, как будто в чем-то виноватый, лебезил перед ней, прикрывая ей ноги пледом, и что-то шептал.

«Ссорятся, – думала Наташа. – Что-то она из него выматывает».

Брюнето приходилось, по-видимому, туго. Подъезжая к Парижу, он снял шляпу, и Наташа с удивлением увидела, что плешистый с начесом лоб его был совсем мокрый.

– Милая Наташа, – сказал он. – Мы, конечно, пообедаем все вместе. Мне только надо на одну минутку заехать... Вэра поедет со мной... надо урегулировать... вообще подсчитать. Милая Наташа, мы с Вэра сейчас выйдем, а шофер отвезет вас на Монмартр, он знает куда. Возьмите бутылку шампанского, если хотите, танцуйте и ждите нас. Я вас очень прошу!

Он обращался к Наташе, но смотрел на Вэра и при словах «очень прошу» нагнулся и прижался лицом к руке Вэра.

Та молча закрыла глаза.

Он схватил телефонную трубку и сказал шоферу:

– Авеню Монтень. Ко мне.

Был уже десятый час, когда Наташа подъезжала к ресторану.

– Возвращайтесь на авеню Монтень, – сказала она шоферу.

В подъезд одновременно с ней входил высокий молодой человек. Он торопливо пропустил ее вперед, с тихим восклицанием благоговейного удивления.

Поднимаясь по лестнице, Наташа видела в огромном зеркале томную изящную даму в серебристо-белом мантио, отделанном черной лисицей. На длинной гибкой шее две нитки розового жемчуга. Крупные черные локоны плотно облегли затылок.

– Господи! До чего же я красива! Как странно, что дураку Брюнето нравится пухлая Вэра!

Она села за столик, заказала вино и стала ждать.

¹ «Почему надо занимать Трибунал этим ничтожеством», – раздался голос с Горы. «Революция». Л. Мадлен (фр.)

Чувствовала себя спокойной, довольной, богатой. Главное – хорошо, что спокойной. Можно себе представить, какую сейчас истерику закатывает Вэра несчастному Брюнето. А в понедельник, когда патронша Манельша узнает обо всех штучках (уж, конечно, шофер насплетничает!), обрушится на бедную его плешивую голову такая буря, из которой ему живому не выскочить.

Скучно все это, нудно.

Наташа пила маленькими глотками вино, курила, слушала воющий джаз.

– Хорошо быть свободной!

За соседним столиком уселся тот самый молодой человек, которого она встретила при входе. Место, очевидно, далось ему не даром. Он что-то долго хлопотал и спорил с метрдотелем.

Наташа поняла, что это делается из-за нее, и украдкой следила за соседом.

Он был еще очень молод, лет двадцати пяти, не больше. Белокурый, сероглазый, с пухлыми щеками и надутый верхней губой, как это бывает у детей, когда они что-нибудь очень внимательно делают. Он медленно тянул вино из стакана, закидывая голову, и беспокойно глядел на Наташу. Видимо, хотел заговорить и не знал, как за это приняться.

Но вот зажглись в зале красные лампочки, погас верхний свет и начался «номер». Две очень похожие друг на друга полуголые смуглые танцовщицы плясали фантастический танец. Плясали больше на руках, чем на ногах. Бриллиантовые каблукы сверкали в воздухе.

Публика зааплодировала.

Вихляя боками, танцовщицы пробирались между столиками к выходу.

– Шурка! – вскрикнула Наташа, поймав за тюлевую юбку ту плясунью, что была поменьше.

– Наташка! Ты как сюда попала?

– Тише! Пусть думают, что я богатая англичанка. Жду своих. Ты давно здесь танцуешь?

– Вторую неделю. У меня новая сестра. Еще больше на меня похожа, чем прошлогдняя.

Хорош наш номер? Ну, я бегу. Заходи!

Она убежала. За ней следом, роняя стулья, кинулся молодой человек с надутый губой. Вернулись вместе. Шурка, запыхавшаяся, пролепетала на чудовищном французском языке:

– Мадам, вуаси мосье ве презенте...²

Прыснула и убежала.

Молодой человек растерянно раскланивался, приглашая танцевать.

Танцевал он изумительно.

«Уж не профессионал ли?» – подумала Наташа.

И лицо у него вблизи было совсем славное. Детское – веселое и доброе и слегка смущенное.

Говорил по-французски с акцентом.

– Вы не француз? – спросила Наташа.

– Угадайте! – ответил он.

– Вы... – начала она и остановилась.

Кто он, действительно?

– А ваше имя?

Он помолчал, точно придумывал.

– Гастон Люкэ.

– Значит, все-таки француз?

Он опять ответил «угадайте» и прибавил:

– А я сразу узнал, что вы англичанка.

² Мадам, представляю вам господина... (искаж. фр.)

– Почему?

– По вашему акценту, по вашей внешности и по вашим жемчугам.

Наташа улыбнулась.

– Это наследственные.

– Ну нет! – засмеялся он. – Это только фальшивые так называют. А у вас настоящие.

– Ну конечно, – сухо ответила Наташа.

Как же можно было сомневаться, когда мадам Манель продавала это великолепное изделие по шестьсот франков за нитку, и то только хорошим клиентам к хорошим платьям.

Танцевали много. Мальчик был не красноречив. Больше улыбался, чем говорил. Но улыбался так счастливо, и у самых уголков его рта делались крошечные ямки.

– А вы не уедете в вашу Англию? – спросил он вдруг.

– Нет еще. Не скоро.

Тогда он покраснел, засмеялся и сказал:

– Я вас люблю.

Было уже около двенадцати, и Наташа стала беспокоиться отсутствием Вэра и Брюнето, когда неожиданно явился шофер и подал ей письмо.

Брюнето писал, что приехать не может, рассыпался в извинениях и благодарил заранее «за все, за все». Наташа поняла за что. За то, чтобы она не проболталась патронше. В конце письма сказано было, что она может располагать автомобилем, и был приколот булавкой пяти-сотфранковый билет.

– Я скоро уеду, – сказала Наташа шоферу. – Подождите немножко.

Мальчик опять звал кружиться.

– Последний танец, – сказала она. – Пора домой.

Он даже остановился.

– Вам уже надоело? Вам скучно? Да, я сам знаю. Здесь тесно и душно. Поедем в другое место. Хотите? Я вам покажу... под Парижем. Там чудесно. Еще не поздно... Умоляю вас!

Наташа представила себе свою скучную отельную комнатку. Отчего не остаться еще хотя на часок «богатой англичанкой», раз это так забавно? Еще часок, другой – и конец. Навсегда.

– Ну хорошо, едем, – решила она. – Мой шофер внизу. Вы скажите ему адрес.

Он покраснел от удовольствия, засуетился...

Наташа подошла к своему столику, заплатила за вино и, накинув заученным грациозно-манекенным жестом свое сверкающее манто, спустилась с лестницы.

2

*Er war ein Dieb,
Sie war...*
H. Heine³

Ресторан, к которому привез Наташу Гастон Люкэ, оказался совсем близко за Сеной. Он занимал небольшой двухэтажный домик, весь окруженный стеклянной верандой, изукрашенной гирляндами и цветными фонариками, весь пылающий, как бенгальский костер, среди темных тихих домиков пригорода.

Глухие удары оркестрового барабана доносились на площадь, всю уставленную автомобилями.

– Вот здесь будет уютно! – сказал Гастон, когда Наташа отпустила шофера.

Внизу помещался бар. Наверху – ужинали, пили и плясали. Еле нашелся свободный столик.

На маленьком пространстве, уделенном для танцев, давя друг друга ногами и локтями, колыхались голые спины, голые плечи, распаренные лица.

Оркестр вела дама-пианистка, вела мастерски. Смеялась, выкрикивала английские словечки, гримасничала, хлопала по боку пианино. Гладко зализанная остролицая голова с локонами, вылезающими из-под ушей, делала ее похожей на веселую борзую собаку.

В каше танцующих выделялся негр, выкидывавший какие-то особые коленца, не очень красивые, но всегда неожиданные. Одет негр был грязновато, и Наташу удивило, что он, пристально посмотрев в их сторону, весело мигнул Гастону. Странное знакомство.

– Вы знаете этого негра? – спросила она.

– Нет, – ответил тот как-то испуганно.

– Мне показалось, что он вам поклонился.

Гастон покраснел:

– Это вам показалось. Он просто так ломается. Он, наверное, в вас влюбился.

– А скажите, вы давно знаете Шуру?

– Шуру? Какую?

– Танцовщицу.

– Да... то есть я видал ее очень часто... раза два.

Попробовали танцевать, но в этой давке трудно было двигаться.

Негр, вытягивая шею, следил за ними. Он все время танцевал с молоденькой блондинкой, выламывая ее в разные стороны. И нельзя было разобрать, танцует он или просто дурит.

– Здесь ужасно душно, – сказала Наташа. – Пора домой.

Гастон встревожился:

– Посидим еще. Я вам сейчас принесу чудесный коктейль. Здешняя специальность. Вы только попробуйте. Умоляю вас! Я сейчас принесу...

Он стал пробираться между танцующими.

Наташа вынула зеркальце, пудру, подкрасила губы. Заметила на платье пятнышко от вина и очень встревожилась. Платье принадлежало «мэзону» и было надето на нее, чтобы продемонстрировать его в Довилле во время обеда, не состоявшегося из-за ссоры Вэра с мосье Брюнетто. Из-за этого пятнышка могут быть неприятности, особенно если патронша будет в дурном настроении.

«Ну сейчас не стоит об этом думать. Надо веселиться».

³ Он был Дьявол, она была... Г. Гейне (нем.)

Именно «надо веселиться», подумала она, и тут же почувствовала, что вовсе ей не весело, а только беспокойно, тревожно и пора все это кончить. Богатой англичанкой она себя не чувствовала, поддерживать это недоразумение было бессмысленно и скучно. Подозрительный Гастон оказался глупым и мало забавным.

Она стала искать его глазами и увидела за дверью, у лестницы, ведущей в бар. За его спиной стоял негр и, скосив глаза вбок, что-то говорил, нагнувшись близко, очевидно шептал.

«Значит, он знаком с этим негром?»

Потом оба скрылись, должно быть, спустились в бар.

Толпа танцующих немножко поредела. С улицы доносилось жужжание пускаемых в ход моторов.

Наташа открыла сумочку, чтобы отобрать деньги для такси. Подкладка оказалась мокрой: флакон духов раскупорился, и перчатки, платок и даже деньги оказались в зеленых пятнах от полинявшего зеленого шелка пудреницы.

– Ну вот, попробуйте! – раздался голос Гастона.

Он нес, улыбаясь ямочками рта, два бокала оранжевого питья с торчащими из него соломинками. Один бокал поставил перед Наташей, из другого, выбросив соломинку, хлебнул большим глотком, зажмурил глаза и засмеялся:

– Чудесно!

Наташа попробовала коктейль. Да, вкусно и даже не очень крепко.

Оркестр играл «*Ce n'est que votre main, madame*»⁴.

И вдруг Гастон, все смеясь и заглядывая ей в лицо, стал подпевать чуть-чуть хриплым, чувственным и странным голосом:

– «*Madame, I love you!*»⁵

Он наклонился близко, и Наташа чувствовала запах его духов, душный, глухой, совсем незнакомый и очень беспокойный.

«Если любить его, – подумала она, – то от этих духов с ума сойти можно».

– А ведь вы разговаривали с негром? – сказала она, слегка от него отстраняясь.

– «*And I will never in my life forget you!*»⁶ – напевал он, не отвечая.

Не слышал? Или не хотел ответить? Да и не все ли равно.

– Коктейль вкусный. Как он называется?

– Я знаю очень много вкусных вещей, – отвечал Гастон. – Мы как-нибудь поедем с вами на один островок... довольно далеко. Там одна малаечка что-то вам покажет, чего у вас в Англии совсем не знают.

– Станный вы человек, Гастон Люкэ. Скажите мне, чем вы вообще занимаетесь?

– Вами. Я вами занимаюсь.

Он взял ее руки и, смеясь, поднес к губам.

И тут она обратила внимание на его пальцы. Они были грубые, с маленькими плоскими ногтями, хорошо отделанными, но некрасивой формы. Но главное уродство, пугающее, как смутное воспоминание о каком-то страшном рассказе, – был далеко отставленный, несоразмерно длинный большой палец, почти доходящий до первого сустава указательного.

«Рука душителя», – подумала Наташа и все смотрела и не могла отвести глаз, но смотрела исподтишка, словно, если он заметит, что «узнан», тут и произойдет нечто ужасное, чего она не знает и представить себе не смеет.

Он поднял бокал и сунул ей в рот соломинку:

– Ну, еще! Ну, еще! Вкусно! Весело! Чудесно!

⁴ «Только ваша рука, мадам» (фр.).

⁵ «Мадам, я люблю вас!» (фр., англ.).

⁶ «И я никогда в жизни не забуду вас» (англ.).

И беспокойный запах его духов вошел в нее как хлороформ, против которого каждый усыпляемый инстинктивно борется и которому сладко и безвольно покоряется, когда почувствует, что нет уже для него в жизни другого дыхания, кроме этого, нежеланного, единственного, блаженного.

– У вас странные руки! – говорила Наташа и почему-то смеялась. – Я очень устала. Я сегодня ездила в Довилль.

Ей хотелось рассказать ему обо всем, чтобы вместе посмеяться над недоразумением с «богатой англичанкой». Но говорить было лень. От крепкого коктейля билось сердце, кружилась голова и начинало тошнить.

Она вспомнила, что не обедала, что в ресторане только выпила шампанского.

– Надо скорее домой.

Она приподнялась, но сейчас же опустилась на стул и чуть не упала. Цветные лампочки закачались, зазвенело в голове... Глаза закрылись, тошнота сдавила горло.

«Гук! Гук! Гук!» – глухо гукало что-то, не то барабан оркестра, не то ее сердце. Должно быть, сердце, потому что больно было в груди...

– Ну что вы! Что вы! – говорил взволнованный голос.

Это Гастон. Милый мальчик!

– Даме немножко дурно. Коктейль был слишком крепкий.

Кому он говорил?

Наташа с трудом открыла глаза.

Негр!

Негр стоит около ее столика. Вблизи он маленький, с серыми, брезгливо распушенными губами. Невзрачный. Лакейчик!

У него в руках Наташин пустой бокал.

– Тогда не надо больше пить. Я унесу коктейль, – говорит он и уносит пустой бокал.

– Попробуйте встать, – говорит Гастон. – Здесь есть комнатка. Вы минутку полежите, и все пройдет.

Он ведет ее. Ноги у нее движутся странно легко, но пола она не чувствует. Глаза не смеет открыть: чуть приоткроет – все зазвенит, закружится, и удержаться на ногах уже нельзя.

– Даме дурно! – слышится голос Гастона.

– Сюда, сюда, – отвечает кто-то.

Ее несут.

Потом она чувствует упругое прохладное прикосновение к затылку и правой щеке, такое знакомое, простое, спокойное.

Мелькнули в глазах ярко-желтые бусы, длинной бахромой падающие откуда-то сверху, и жуткое, смертельно бледное, почти белое женское лицо с квадратно сложенным твердым полотенцем на голове.

Потом острый, тонкий звон.

Потом... ничего.

Сон без снов...

И вот – шорох, шепот.

Что-то чуть-чуть пощекотало шею...

Наташа с трудом открывает глаза и не совсем понимает тот сон, который вдруг видит.

Снится ей розовый туман, снится негр. Он нагнулся над чем-то, что лежит на ночном столике... И еще кто-то спиной к ней, и она не видит его лица. Негр распялил губы брезгливой гримасой, что-то злобное сказал, звякнул чем-то...

– Шют!⁷ – шепнул другой и быстро обернулся. И вдруг отчаянно, почти громко воскликнул:

– Она смотрит!

Лицо его Наташа не видела. Розовый туман не был неподвижен. Он плыл, мерцал... Мелькнуло ослепительно бледное женское лицо, с белым квадратным полотенцем на темени... Большая теплая рука легла на глаза Наташи... Но она все равно больше не могла бы смотреть. Шум, звон, плещущие искры заполнили мир, и тяжелые веки опустились прежде, чем закрыла их эта рука. Последнее, что почувствовала она, – был запах странных духов, как будто уже знакомых, таких душных, сладких, блаженных, что, теряя сознание, она улыбнулась им как счастьем.

⁷ Провались! (*фр. жаргон*)

3

– *Qui est-ce votre père spirituel?*

– *Le chevalier de Casanova.*

– *Un gentilhomme espagnol?*

– *Non, un aventurier benitien.*

Sonate de Printemps.

*Valee Inclan*⁸

Какая бывает чудесная жизнь!

Две дамы в малиновых платьях, длинных, твердых, широких, танцуют, жеманно подобрав юбки пальчиками. Под малиновым кустом сидит малиновый пастушок и играет на дудочке...

Чудные, кудрявые, малиновые облака... А за ними малиновая лодочка, и в ней мечтательная дама в малиновом платье. Она опустила руку в воду. А перед ней малиновый кавалер в завязанных бантах подвязках читает что-то по книжечке.

Какая счастливая жизнь!

Подальше на островке два барана... Еще дальше – снова пляшут пышные дамы под свирель пастушка...

Закрывать глаза и потом посмотреть повнимательнее.

Теперь все ясно. Это не жизнь. Это просто обои.

Наташа повернула голову и увидела прямо перед собой лицо сегодняшней ночи: ослепительно белое женское лицо.

Оно было меньше, чем казалось ночью, и принадлежало гипсовому бюсту итальянки, украшавшему камин маленькой уютной комнаты со спущенными розовыми шторами, с розовым абажуром в желтых бусах на висячей лампе и на лампочке ночного столика. Кто-то засмеялся за стеной, и веселый женский голос быстро что-то затараторил.

Послышался звонок, мелкие шаги за дверью. Живой разговор. Все было так просто, как во всех маленьких отельчиках. Совсем не жутко. Наташа приподнялась и увидела, что лежит в платье, в сверкающем вечернем туалете, «креасион» мэзона «Манель»⁹.

Это было первое, что она ясно поняла. Она лежит в вечернем платье. Она смяла чудесное вечернее платье, которое должна сдать в полном порядке.

От этого профессионального шока в усталой, одурманенной голове мысли задвигались – вспомнился весь вчерашний день, поездка в Довилль, шампанское в ресторане, Гастон, вечер, негр.

– Я напилась?

И вдруг вспомнились ночь, негр, шепот:

«Она смотрит!»

Рука...

Наташа опустила ноги с кровати. Голова слегка кружилась.

Что они смотрели на столике – негр и тот, другой?

На столике лежали ее розовый жемчуг и сумочка. Больше ничего. Может быть, негр думал, что жемчуг настоящий, и хотел обокрасть ее?

И вдруг она спохватилась.

Где манто?

На манто был дорогой мех!

⁸ «А кто ваш духовный отец?» – «Шевалье де Казанова». – «Испанский дворянин?» – «Нет, венецианский авантюрист». «Весенняя соната». В. Инклан (фр.)

⁹ «Произведение» модного дома «Манель» (искаж. фр.).

Украли!

Она вскочила.

О-о-о! Вот это действительно было бы ужасно!

Чуть не плача, обошла она комнату.

– Слава богу!

Манто завалилось между кроватью и стеной.

В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату заглянула приветливо улыбающаяся пожилая горничная в белой наколке.

– Мадам уже встала? Мадам хочет кофе?

Она подбежала к окну и отдернула занавески.

– Я сейчас принесу.

Из окна видны были площадь, трамвай, набережная. Все такое простое, обычное. И горничная так приветливо улыбалась. Ничего, значит, особенного не произошло. А уж одну минуту мелькнула у нее мысль – не подсыпали ли ей чего-нибудь в коктейль... Может быть, даже и негр не приходил ночью... И все это был сон.

Горничная принесла кофе с круассанами.

– У вас много жильцов? – спросила Наташа.

– Да, с субботы на воскресенье многие здесь ночуют. Приезжают танцевать и остаются.

Наташа спокойно выпила свой кофе.

Хорошо, что сегодня воскресенье. Она успеет к завтраму привести платье в порядок.

Подошла к зеркалу, достала из сумочки пудру и карандаши. В другом отделении, куда она прятала духи, платок и деньги, были только духи и платок. Три стофранковых билета, оставшиеся от денег, присланных мосье Брюнето в ресторан, пропали. В ресторане она их потерять не могла, потому что помнила, как здесь, в дансинге, заметила, что мокрая подкладка подкрасила их зелеными пятнами. Значит, они пропали здесь.

Она открыла еще раз отделение, где были карандаши и пудра, и нашла полтора франков, смятые комочком. Это были ее собственные деньги, которые она везла из Довилля.

Итак, все-таки ее обокрали. Кто? Негр? Гастон? Или тот, другой, чьего лица она не видела? Да ведь это, пожалуй, и был Гастон...

Жалко было денег.

Вот и повеселилась «богатая англичанка»! Значит, и им тоже несладко живется. Хорошо еще, что не задушили. Надо будет нарочно пойти когда-нибудь на Монмартр, в тот ресторан, и посмотреть этому Гастону прямо в глаза.

Какой от этого будет толк, она себе ясно не представляла. Спросить про деньги все равно не решится...

Из трамвая выпрыгнул элегантный молодой человек и стал переходить площадь. Приблизившись к отелю, он поднял голову и обвел глазами окна.

– Гастон!

Гастон. И шел, очевидно, сюда, в отель. Как же он осмелился?..

Она накинула свое чудесное манто и вышла в коридор. Гастон поднимался по лестнице.

В полутемном коридоре плохо видно было его лицо.

– Как я рад, что вы встали, – радостно сказал он. – Я ужасно беспокоился. Все думал, что это, может быть, от коктейля вам стало плохо. Но ведь все прошло? Правда?

«Горничная могла стащить деньги», – быстро решила Наташа и протянула Гастону руку.

У него были мягкие свежие губы, и он так ласково держал ее за руку.

– Мы непременно здесь позавтракаем! – сказал он. – Я специально для того и приехал, чтобы угостить вас уткой с апельсином. Это здешняя специальность. Посидим на балкончике, посмотрим на публику и чудесно позавтракаем. А потом я вас сам отвезу домой.

– Какой противный вчера был негр, – вдруг вспомнила Наташа.

– Негр? Негр дрянь: он остановил меня, когда я вчера шел вам за коктейлем, и болтал какую-то ерунду, что вы не англичанка, и всякий вздор. Я его оборвал сразу. Он совсем дрянь. С ним не надо кланяться.

– Да я и не собираюсь.

Они вышли на веранду, где уже начался завтрак.

Чудесный солнечный июньский день такой был веселый, радостный, будто сам смеялся.

Прошла какая-то экскурсия, вероятно общества приказчиков, с трубами и барабанами, украшенными вялыми цветами. Приказчики приостановились и дикими звуками исполнили марш из «Фауста», которого почти никто из слушателей не узнал.

По реке широким лебедем проплыл белый пароход...

«Сказать про деньги или не сказать? Жулик он или не жулик?» – думала Наташа, глядя на розовое, свежее лицо Гастона, на его детскую улыбку с ямочками и смеющиеся ясные глаза.

– Я знаю, о чем вы думаете, – сказал Гастон. – И отвечу вам прямо «да».

Наташа смутилась.

– О чем же я, по-вашему, думала?

– Обо мне.

– Но что именно?

– Ага, значит, признались, что обо мне. Мне только этого и надо было. Так вот, повторяю снова – «да». И прибавлю – «безумно».

«Какой он, однако, слава богу, болван», – облегченно вздохнула Наташа.

Но с ним, с болваном, было весело. Жизнь делалась забавнее и занятнее, если смотреть на нее вместе с веселыми глазами Гастона. Днем тягучие и душные его духи чувствовались меньше, легче, не беспокоили и не тревожили.

– Вам нужно чуть-чуть желтее розовое для щек. О, нет, только не «мандарин»¹⁰. Есть такой. Я вам привезу. И ногти чуть-чуть розовее и непременно длиннее. Ваш жанр должен быть всегда немножко «чересчур». Понимаете? Надо непременно выработать жанр. Вы только никогда не подходите к испанке – шаль, гребенка... Это к вам очень пойдет, но сразу сделает банальной. Золотые ногти? Это вам бы пошло, если бы их никто не носил, а вы сами бы выдумали. А теперь уже нельзя. Вы должны быть всегда особенной. Я для вас все придумаю.

Он был страшно мил.

Подали счет.

Он взял ее руку и несколько раз поцеловал мягко и ласково.

Потом вынул две стофранковые бумажки и сунул их под сложенный на тарелке счет.

На уголке бумажки, торчавшем из-под счета, Наташа ясно увидела зеленое пятно.

¹⁰ Цвет пудры.

4

Все что угодно... но уже не вор, не вор окончательно, ибо, если бы вор, то, наверное, бы не принес назад половину сдачи, а присвоил бы и ее...

Ф. Достоевский.

«Братья Карамазовы»

Гастон остался растерянный и искренне удивленный, когда Наташа, холодно отказав ему в просьбе проводить ее, села одна в такси.

«Украл? – думала она. – Ясно, что украл. Но почему же так беспечно вынул эти деньги при мне? Или потому, что не знал, что на них моя зеленая отметина? И еще – почему если украл, то не скрылся, а, наоборот, сам пришел и на меня же эти деньги истратил?»

Что он все время бестолково и глупо врет – это было ясно. Но врет как-то по-мальчишески, так что если поприжать его, то, наверное, сразу засмеется и признается. Кто он? Что за человек? Пожалуй, надо было бы рассказать ему о том, что деньги пропали. Решиться, да так, как в прорубь головой. Да, впрочем, никакой и проруби не вышло бы, отоврался бы как-нибудь...

* * *

На другой день, в унылый дождливый понедельник, в мастерской мадам Манель настроение было сгущено-электрическое, как перед грозой.

Манекен Вэра отсутствовала. Была больна. Мосье Брюнето зарылся с головой в счетные книги. Сама мадам не показывалась, только развила усиленную телефонную деятельность. Через дверь ее бюро доносилось непрекращаемое «алло-алло». Это был безошибочный признак дурного настроения.

Клиенток было мало. Понедельник – день тихий.

Наташе пришлось показывать на себе купальные костюмы. Показывать их надо не так, как обычные салонные или спортивные платья. На все нужна своя сноровка.

В салонном платье манекен идет маленькими шажками. Если на ней юбка с оборкой, делает быстрые повороты, чтобы оборки «жили, играли». Если широкий рукав – приподнимает руку.

Пройдясь полукругом, манекен обыкновенно отходит в глубину комнаты и оттуда, не оборачиваясь, решительно и смело идет прямо на клиентку. У некоторых манекенов этот последний маневр принимает иногда чрезмерно вызывающий характер. Одна простая русская душа, любясь мадемуазель Вэра, на этом маневре даже струсил.

– Ой, батюшки, – всколыхнулась она. – Чего же это она так? Ну прямо точно в морду дать хочет!

Спортивные платья показываются юно, свежо, по-мальчишески. Уперев руку в бедро, поджав живот.

Купальный костюм требует купальных поз, сжатых колен, откинутой фигуры.

Наташа сидела в душной комнате, где кроме нее вздыхали, потели и переодевались шесть молодых женщин в одинаковых телесно-шелковых чулках и казенных золотистых туфлях, которые ко всему подходят.

Двери в коридор были открыты, но сновавшие там рассыльные мало смущали голых красавиц. Профессиональная привычка, шокировавшая только новеньких, и то недолго.

День шел нудный, тягучий, и ничто не мешало бестолковым переборам в Наташином мозгу.

...Если вор, то почему пришел, почему украденные у меня деньги на меня же истратил?..

...Почему наврал, будто негр говорил, что я не англичанка? Чтобы выпытать, кто я? Но ведь он же ни разу и не спросил об этом.

...Во всяком случае, думать тут нечего. Денег не вернешь, а от этого темного типа подальше.

И конечно, лучше бы не думать и от темного типа подальше, но одна из голых девиц, влезая в пеструю турецкую пижаму с заходящим солнцем на поясице, вдруг запела:

– «Ce n'est que votre main, madame»¹¹.

Это то, что напевал Гастон. Он напевал по-английски:

– «J kiss your little hand, madame»¹².

Голос у него был чуть-чуть хриплый, странный, очень чувственный. И ямочки у рта смеялись, и глаза смеялись и говорили: вот какая забавная штука! Вот попробуй-ка не почувствуй моего хриплого голоса! Ага! Вот и попалась!

Она охватила спинку стула и опустила лицо в мягкую душистую складку согнутой руки.

От этого телесного нежного ощущения и от тихого напева «той» песенки ей стало так невыносимо беспокойно, что она чуть не застонала.

– Нужно все это разузнать, иначе я не успокоюсь.

Но пойти на Монмартр было совсем немислимо. Спросить у Шуры, танцовщицы, что она о нем знает? Но где достать адрес Шуры? Монмартр вычеркивается. Пойти разве к баронессе?

Баронесса фон Вирх, или попросту Любаша, когда-то училась пластическим танцам и с тех пор поддерживала знакомства в балетном мире. Особенно во время междуцарствия, то есть когда она оставалась без богатого поклонника, ее всегда тянуло в богему. И как раз дня три тому назад Наташа слышала от мосье Брюнето, что баронесса не оплатила уже три счета. Значит, дела в упадке и богема в моде. Можно узнать о Шуре.

¹¹ «Только ваша рука, мадам» (фр.).

¹² «Я целую вашу маленькую руку, мадам» (англ., фр.).

5

Le fleuve ne suit pas d'autre voie que la sienne.
Paul Fort¹³

Баронесса фон Вирх была самая настоящая баронесса, вышедшая замуж еще до войны за молодого представителя богатого дворянского рода барона Григория Оттоновича фон Вирха. Прошлое баронессы до Вирха, как история мидян, было «темно и непонятно». Говорили, будто она была несколько раз замужем, начала свою карьеру хористкой, а так как в точности никто ничего не знал, то и врал о ней каждый в соответствии своего к ней отношения.

Возраста ее не могли определить даже приблизительно. И скрывался он тщательно.

По этому поводу рассказывали забавный анекдот (который, впрочем, относили иногда и к другим интересным дамам).

В период бегства из пределов Совдепии и хлопот о пропусках большевики опрашивали Любашу. Спросили, между прочим, о ее возрасте.

– Ну, это дудки, – решительно ответила она. – Этого вы от меня никогда не добьетесь. Можете, если хотите, расстреливать.

На вид ей было не больше тридцати, тридцати пяти. Но кто-то, человек как будто достоверный, клялся, что у нее в Харькове сын большевистский комиссар.

Говорили также, что у нее замужняя дочь и взрослые внуки. Вообще – говорили много.

В эмиграции барон за бедностью и полной ненужностью стуживался. Где-то что-то работал весьма неопределенное. То заведовал чьим-то образцовым курятником, то коптил рыбу, то точил гайки в граммофонной мастерской, то служил как *chef de reception*¹⁴ в русском ресторане. У жены появлялся редко, и почти никто из баронессиных завсегдатаев с ним не встречался.

Но отношения у супругов сохранились хорошие, товарищеские, и если условия сложного баронессинного быта позволяли, а печальные условия барона того требовали, то он иногда водворялся на несколько дней в ее элегантном особнячке. Ему стелили на диване, и он, как собака, целый день так и сидел на этой подстилке.

В Париже баронесса известна была под именем Любаши, к ней относились хорошо и успехам не завидовали, вероятно, потому, что ее ослепительная красота давала ей право на всякие радости жизни и на всякие пути к этим радостям.

Но забавнее всего, что среди подруг она считалась умной женщиной, тогда как если надо было бы установить незыблемую единицу, так сказать, исходное мерило глупости, то лучше и определеннее Любаши найти было бы невозможно. Говорили бы:

– Глупа, как две Любаши.

Или:

– Чуть-чуть умнее Любаши.

Это не значит, что она была образец глупости какой-либо исключительной. Нет, глупость ее была именно явлением той божественной пропорции, классически цельной и полной, какая в науке может быть взята за единицу.

Но считалась она умной, вероятно, потому, что строила свою жизнь на четырех правилах арифметики. Два из них – сложение и умножение – считала хорошими и к ним стремилась. Два – вычитание и деление – устраняла всеми силами. А силы были большие, и все в ее красоте.

¹³ У каждой реки только одно русло. П. Фор (фр.)

¹⁴ Распорядитель приемов (фр.).

В Париже Любахе устроиться удалось не сразу. Барон жерновом на шее тянул ее книзу. Приходилось выкручиваться. Была продавщицей в модной мастерской, но иностранных языков не знала и карьеры не сделала и ушла, прихватив мужа хозяйки.

Стала учиться пластическим танцам, выступила несколько раз в ночном ресторане и ушла, прихватив богатого американца.

– Умная баба, – говорили о ней приятельницы. – Вот как надо жить.

Но урок этот мало кому шел на пользу. Большинство Любашиных приятельниц и без этого урока старались устраивать жизнь по четырем правилам арифметики, но, не имея главного слагаемого – ее чудной красоты, – проваливались.

Знал ли о ее похождениях барон? Этот вопрос вначале интересовал многих.

Трудно было ничего не знать и не понимать, видя ее жизнь, туалеты, квартиру, автомобиль.

– Ведь эдакий дурак!

– Дурак-то он дурак, а, впрочем, кто его знает.

Потом решили, что она, значит, что-нибудь навирает, а он, значит, делает вид, что верит. А впрочем, не все ли равно. Кому какое дело?

Она была мила, приятна, любезна, когда могла – давала на благотворительность. На ее больших вечерах бывали очень видные представители русской эмиграции, которых она знакомила с лысыми французами с розетками в петличках.

– Notre celebre¹⁵, – говорила она о каждом, – о русском и о французе, и обоим им было приятно, что его называют celebre, и лестно, что знакомят с celebre, размера celebrite¹⁶ которого он в точности не знал...

А баронесса угощала хорошим русско-французским ужином и очаровательно картавила, как большинство наших эмигранток, постигших французский язык уже по приезде во Францию.

Все это было чудесно, а больше никому ничего и не требовалось.

¹⁵ Наш знаменитый (фр.).

¹⁶ Знаменитость (фр.).

6

«Теперь стойте крепко, – сказал капитан, – будет приступ».
А. Пушкин. «Капитанская дочка»

Чтобы побывать у Любаши, Наташе пришлось дожидаться до среды, своего выходного дня, потому что баронессу легче всего застать было днем.

На звонок открыла маленькая востренькая дамочка на тонких ножках, на скривленных каблучках – придворная Любашина маникюрша Анфиса Петровна, по прозвищу Фифиса.

По тому, что открыла дверь Фифиса, а не горничная, Наташа сразу поняла, что в предположениях не ошиблась и что у Любаши временный крах.

Фифиса издала приветливый возглас и крикнула в сторону гостиной:

– Свой, свой, не пугайтесь!

Наташа вошла.

На широком низком диване, вся зарывшись в золотые подушки, высоко перекинув ногу на ногу, полулежала розово-золотая хозяйка дома.

В белом атласном халатике, отбросив широкие рукава так, что видны были до плеч ее сверкающие круглые руки, закинута за пушистую сияющую белокурую голову, тонкая, но не худая, с легкими ямочками на щеках, на розовых локтях, она казалась солнечным лучом, брошенным на эти золотые подушки, и иными словами, как «сверкает», «сияет», «слепит», о ней и говорить было нельзя.

Рядом на креслах расселся ее двор, выползающий на свет божий только в черные дни, когда поклонников не бывает и гостей не принимают: длинновязая, гололобая, с неистовыми жестами и почему-то в вечернем туалете без рукавов – перекупщица старого платья Луиза Ивановна, прозванная Гарибальди за то, что любила рассказывать, как ее тетка видала знаменитого итальянца. Рядом с ней – широкая, костистая, с крашеными волосами, ломко и сухо выющимися, как австралийский кустарник, бровастая гадалка Марья Ардальоновна, называемая для краткости просто Мордальоновной.

Вообще в этом кружке все были известны больше по прозвищам, чем по настоящим именам.

Тут же уместилась и известная нам Фифиса.

Мордальоновна, по-видимому, только что кончила гадать, потому что, задумчиво помуслив большой палец, медленно перебирала шелковисто-сальные зловещей величины карты. На кокетливом столике лежала развороченная масляная бумага и в ней остатки ветчины и крошки хлеба. Судя по виду, ветчину не резали, а прямо драли руками. Да и прибора на столе никакого не было.

Тут же стояло штук шесть запечатанных фарфоровых баночек с каким-нибудь, должно быть, снадобьем для красоты.

Вообще беспорядок в комнате был изрядный.

На креслах разложены платья, манто и шелковые тряпки, на полу раскрытые картонки, на столе окурки, на пыльной крышке рояля две пустые бутылки и стакан.

– Марусенька! – приветливо кивнула Наташе хозяйка, не поднимаясь с места. – Не купите ли крема?

– Я теперь Наташа, – поправила ее гостя, нагибаясь и целуя душистую щечку Любаши.

– А, да, я и забыла! И чего это они вам, словно собакам, клички меняют?

– Теперь мода на Наташу и на Веру, – деловито объяснила гостя. – В каждом хорошем мэзоне должна быть Наташа, русская княжна.

Любаша посмотрела на нее своими синими глазами внимательно и сказала:

– А у вас какая-то перемена. Волосы отпустили? Нет. Просто у вас сегодня есть какое-то выражение лица.

– Ох, уж и скажут тоже! – всплеснула руками Мордальоновна. – Точно у них всегда лицо без выражения!

– Однако и хаос у вас! – заметила Наташа.

– Ужас, ужас, – вздохнула хозяйка и озабоченно повернулась к Гарибальди.

– Ну-с, ангел мой, за манто меньше шестисот я не позволяю. Если в один день сумеешь ликвидировать, то есть принесешь деньги завтра, то, так и быть, валяй за пятьсот. Ведь оно совсем новое, от Вионэ, и марка есть. За черное платье – триста, за зеленое – двести пятьдесят. Но только – живо!

Гарибальди жеманно шевелила плечами.

– Ах, *comme vous etes!*¹⁷ Ваши платья продавать – это, как говорится, совсем *pas facile*¹⁸. Они слишком *habillees*¹⁹. Бедным дамам такие не пригодятся, а *dames du monde*²⁰ ношеного не купят.

– Ну, ну. Очень даже купят. Убирайте все это барахло. Ко мне скоро придут.

Гарибальди стала складывать платья в картонки.

– А какой они национальности? – вдруг спросила гадалка Мордальоновна, очевидно продолжая какой-то разговор.

Любаша сосредоточенно сдвинула брови:

– Н-не знаю. По внешности, пожалуй, вроде еврея.

– Не в том дело, что еврей, – затараторила, по-птичьей вертя головой, маникюрша Фифиса, – а в том, какой еврей. Если польский – одно, если американский – другое.

– Ну-у? – удивилась Мордальоновна.

– Польские в Париж надолго не приезжают. Уж я знаю, что говорю, – тарантила маникюрша. – У них деньги плохие, пилсудские деньги. И родственников у них много, и семейство всегда большое. Польские евреи – это самые женатые из всех. Вот американский – это прочный коронный мужчина. Он как сюда заплывет, так уж не скоро его отсюда выдерешь. Американский – это дело настоящее. А он на каком языке говорил-то? – тоном эксперта обратилась она к Любаше.

– По-французски.

– Ну тогда, значит, американский.

– Я на него карты раскладывала, – вставила гадалка. – Выходило, будто приезжий и будто большие убытки потерпит. Хорошая карта.

– Ты, Мордальон, смотри не уходи, – озабоченно сказала Любаша. – Ты непременно должна ему погадать. Нагадай, что в него влюблена блондинка и что ее любовь принесет ему счастье. Поняла, дурында?

– Погадайте на меня, – сказала Наташа.

– Извольте. Снимите левой рукой к себе. Задумывайте...

Огромные, разбухшие карты шлепались на стол мягко, как ободранные подметки.

– Если не продадутся платья, – говорила между тем Любаша, – я у Жоржика попрошу денег. У Жоржика Бублика, он мне всегда достанет.

И вдруг весь курятник забил крыльями.

– Мало вам того, что было! – кричала маникюрша. – Триста франков даст, а тысячу унесет...

¹⁷ Вот вы какая! (*фр.*)

¹⁸ Нелегко (*фр.*).

¹⁹ Ношенные (*фр.*).

²⁰ Светские дамы (*фр.*).

– Часы-браслет... – перебила ее Гарибальди.

– Его помелом гнать! – бросив карты, вопила гадалка.

– На кого надеяться!..

– Парижский макро! Саль тип!²¹ – вставила жеманная Гарибальди.

– А еще умная женщина!

– Это еще не доказано, – искусственно равнодушным тоном сказала хозяйка. – Еще не доказано, что он унес.

– Да чего же вам еще! – возмущалась маникюрша и, обернувшись к Наташе, которая одна не знала, в чем дело, продолжала:

– Все пошли в столовую закусывать, а он тут остался фантазировать на рояле, вот здесь. А дверь в спальню открыта, и на столике часы-браслет. Отсюда, от рояля, отлично видно. С бриллиантками, все их знали. И вдруг и пропали. На Жанну думали. А вся прислуга в один голос на него говорит. Под суд бы его сразу.

– Ах, оставьте! – с досадой прервала ее Любаша. – Если бы его стали допрашивать, он бы со злости такой ушат мне на голову вылил, что дорого бы мне эти часы обошлись.

– Ну, знаете, этого бояться, так, значит, ни на кого жаловаться нельзя?

– Жалуйтесь, если вам нравятся скандалы, – гордо отрезала Любаша, – а я замужняя женщина и дорожу своей репутацией.

На одну секунду воцарилась тишина.

Не только все молчали, но даже не шевелились.

И вдруг маникюрша будто даже испуганно сказала:

– Ой!

И это «ой» прорвало заслоны.

Так, готовая к линчеванию толпа иногда не может приступить к делу, не хватает ей какого-то возгласа, жеста, чего-то логического или, вернее, художественного – потому что во всех массовых движениях есть свой тайный художественный закон: не хватает этого «нечто», что дает возможность перейти от настроения к делу.

И вот это «ой» – двинуло.

Первая взвизгнула Гарибальди.

Визгнула, выскочила на середину комнаты и согнулась от смеха пополам. За ней раскатилась гусиным гоготом Мордальоновна, захохала маникюрша, затряслась от смеха Наташа и сама хозяйка, минутку задержавшись, прыснула и повалилась на диван, дрыгая ногами от смеха.

– Ой, не могу! Ой, не могу! – ревела Мордальоновна.

Визг, всхлип, гогот...

Они заражали друг друга смехом, и кто уже было успокоился, подхватывался общей волной.

Длинная Гарибальди, оставаясь посреди комнаты, истерически топала ногами, и все увидели, что башмаки у нее «с чужого плеча», огромные и плоские и загибаются носами, как у Шарло Чаплина. Мордальоновна лежала головой на столе.

И вот на этот визг и вой отворилась дверь, что около рояля, дверь, ведущая в спальню, и оттуда вышел некто, кого Наташа еще ни разу здесь не видела.

Это был высокий костлявый человек, лучше бы всего назвать его «верзилой». Лицо у него было скуластое, и с круглых этих скул, как с гор вода, стекала жидкая русая бороденка, стекала и закручивалась сосулькой на подбородке. Нос, толстый, неровный, торчал, как задранный кулак, над недоуменно приоткрытым ртом.

Одет верзила был в потрепанную непромокайку и шляпу держал в руках. Очевидно, собирался уходить.

²¹ ..Проходимец! Грязный тип! (*фр. жаргон*)

Войдя в комнату, где все хохочут, он сначала растерянно оглянулся, потом неожиданно закинул вверх голову и закатился беззвучным смехом, странным, судорожным, словно зевал. Бороденка тряслась, и сам он был трагически смешон, с закрытыми глазами, с задранным носом, с отвалившейся нижней челюстью...

– Грива! – крикнула Любаша.

И, видя недоумение Наташи, прибавила:

– Вы разве не знакомы? Мой муж, Григорий Оттонович, барон фон Вирх Грива! Закрой рот!

Но барон все еще трясся от смеха, и Наташа с ужасом подумала, что хохочет он, не зная почему, а все-то кругом знают, что тема общего веселья крайне деликатная и именно для него отнюдь не веселая.

Потом Наташа пожала ему руку, и его маленькие сонные глаза мутно скользнули по ее лицу.

– Ну, я пошел, – сказал он добродушно и провел пятерней по своим нечесаным прядистым волосам.

– Ладно, голубчик, – сказала Любаша. – Ну поцелуй Люле ручку и иди.

Он нагнулся к ней, и, когда целовал ей руку, она что-то шептала ему на ухо. Он осклабился и пошел к двери.

– Ну погадайте же, – очнулась Наташа. Барон произвел на нее очень тяжелое впечатление.

– Да разве тут дадут, – проворчала Мордальоновна, шлепнула картами и затянула певучим, как все гадают, голосом: – Ну вот... Что хотите знать, того не узнаете... так, так... три шестерки... дорога будет... И путаница большая. И так выходит, что будете вы по воде к себе домой возвращаться...

– В Россию, что ли? – усмехнулась Наташа.

– А все-таки скажу, бойтесь воды. Ух, бойтесь, бойтесь воды!

– Бойся воды и пей шампанское, – сказала Любаша и вдруг раздраженно закричала: – Ну, господа, нашли тоже время гадать! Ко мне сейчас придут, тут не убрано – это прямо невозможно! Смотрите – жрали ветчину, и так все и валяется... Мордальоновна, принесите из кухни тряпку. Где счета от портнихи? Надо счета положить на стол. Фифиса, посмотрите, нет ли в спальнй. От Манель. Что?

– Да я говорю, что неловко так сразу, первый раз человек пришел, и вдруг сразу и счета на столе. Поймет, что нарочно приготовили, – урезонивающим тоном протестовала Фифиса.

– Ну что там дурак поймет!

– Дурак! А коли не дурак?

– А не дурак, так тем лучше. Сразу увидит, чего от него ждут. Ну, живо!

Работа закипела. Мордальоновна покорно и даже как будто испуганно вытирала стол, мела пол, дула на крошки. Фифиса носилась вихрем на своих тонких ножках. Никто уже не шутил и не смеялся. Все понимали, что с забавами и хихиканьем покончено, что надо готовиться к приступу, чтобы враг не застал врасплох.

Любаша, с лицом сосредоточенным и сразу до неузнаваемости постаревшим, руководила работами. Ее выслушивали почтительно, забыв о всякой фамильярности.

– Мне как же, надеть передник? – спросила Фифиса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.